

Зміни в релігійному житті були очевидними, проте більшість традицій, які були обумовлені статусними особливостями Англійської церкви, зберігалися ще з часів Середніх віків. Зокрема, мало хто отримував єпископський сан за заслуги перед Церквою, радше – за послуги, надані світському патрону чи політичним партіям. Призначення на церковні посади стало однією з функцій партійного патрона вігів чи торі. Публічна функція духовенства зводилася до регулярного відвідування сесій парламенту з тим, щоб голосувати там за міністра, який їх призначив і міг сприяти переміщенню у більш дохідну єпархію.

Впродовж XIX-XX століть у статусі Англійської церкви, однак, відбулися радикальні зміни. Передовсім, у 1920 р. вона втратила державний статус в Уельсі. Далі Церква, залишаючись державною, втратила досить багато суттєвих привілеїв, які раніше мала як інституція державної релігії: було скасовано податки на користь Церкви, монополію на реєстрацію актів громадянського стану тощо.³⁵

Таким чином, можна говорити про два паралельні процеси: з одного боку, релігійні меншини отримують рівні релігійні права з державною Церквою. А їх послідовники прирівнюються у політичних правах з англіканцями. З іншого боку, державна Церква поступово, але неухильно віддаляється від держави, захист її монополії перестає бути справою державної влади, що, звичайно, дає більше самостійності самій Церкві.

В такий спосіб поступово знімається соціальна основа міжконфесійних конфліктів. Приналежність до тієї чи іншої з деномінацій не пов'язана з більшим чи меншим обсягом прав та свобод. Привілеї Англійської церкви все більш перестають бути винятковими для неї й поширюються на інші конфесії. Це стосується навіть „свята святих” – королівської родини. Ситуація, за якою спадкоємець трону міг/могла пошлюбити католика/католичку, завжди виглядала гіпотетичною. Але в такому разі спадкоємець, згідно з Актом 1700 р., втрачав право на трон. В сьогоденній Великобританії ця ситуація перестала бути гіпотетичною у зв'язку зі шлюбом принца Чарлза з Каміллою Паркер-Боулз, яка є католичкою. Але спостерігачі за британською традицією відзначають, що за нинішніх умов Акт 1700 р. не працюватиме – політична система сучасної Великобританії просто відторгне подібне установлення. До того ж, інкорпорація в британське законодавство положень Європейської конвенції з прав людини (здійсне Законом з прав людини 1998 р.) робить таке відторгнення незворотним.³⁶

Елена МИРОШНИКОВА (Тула, РОССИЯ)

ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ФРГ: ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ

Государственная политика ФРГ в области свободы совести определяется нормами государственно-церковного права, которое в контексте государственного (конституционного) права регулирует отношения между государством и церковью на основе норм публичного права. Помимо собственно Конституции, законов и других правовых нормативных актов, в ФРГ самое серьезное значение придается очень важному изданию, а именно «Настольной книге немецкого государственно-церковного права», в которой очень глубоко и обстоятельно рассматриваются конкретные вопросы регулирования ГЦО: придание религиозным организациям особого статуса субъекта

³⁵ Clinton Bennet. Religious Freedom: The UK Context // <http://www.religiousfreedom.com/Conference/Germany/bennett.htm>

³⁶ United Kingdom // Encyclopedia of Religious Freedom. Ed. By Catharine Cookson. - New York, 2003. - P.493-494.

публичного права, взимание церковного налога, преподавание религиозного знания как обязательного предмета в государственных школах, государственное содействие деятельности теологических факультетов, различные формы совместной деятельности государства и религиозных организаций в области социальной поддержки населения, военная духовная забота и т.д. [Handbuch des Staatskirchenrechts der Bundesrepublik Deutschland. 1, 2 Bd., Hrsg. von Ernst Friesenhahn und Ulrich Scheuner in Verbindung mit Josef Listl. - Berlin Duncker Humblot. 2. Aufl., neu bearbeitete. 1. Band. 1994. 1150 s.; 2. Band. 1995. 1240 s.].

Основными принципами немецкой кооперационной модели государственно-церковных отношений являются: мировоззренческий нейтралитет государства; принцип толерантности; принцип паритета.

Нейтралитет как основа отношения государства ко всем религиозным организациям и мировоззренческим объединениям характеризуется следующими чертами. Прежде всего, мировоззренческий нейтралитет означает невмешательство, т. е. государство должно быть нейтральным по отношению к религиозным или философским учениям. На практике это означает отсутствие официальной государственной религии. Государству запрещено вмешиваться в область церковной деятельности. Запрещение вмешательства в дела церкви со стороны государства подкрепляется и пониманием нейтралитета как неидентификации. Государство может издавать законы, касающиеся также и религиозных организаций, но не вмешиваться в их внутреннюю жизнь. Оно может проявлять интерес к деятельности церкви и ей содействовать, но не считать эту деятельность непосредственно государственной.

Однако очень важно подчеркнуть, что невмешательство и неидентификация не есть отсутствие внимания государства вообще к религиозной сфере. Более того, специфика кооперационной модели государственно-церковных отношений заключается в необходимости позитивного нейтралитета. Он означает, что государству не только безразлично положение и роль религиозных организаций в обществе, но, более того, государство обязано всячески содействовать полноценной церковной деятельности в самом широком смысле слова (Например, при разработке и принятии планов городского развития предусматривать места для строительства зданий для богослужений соответственно с потребностями населения. Власти должны проявлять особую заботу о том, чтобы никому из-за принадлежности или непринадлежности к какому-то убеждению или мировоззрению не был причинен ущерб. Вот почему нейтралитет неразрывно связан с принципом паритета.

Исторически паритет обозначал равнозначность христианских организаций между собой и по отношению к государству. Запрет государственной церкви является основой правомочных паритетных действий отдельных религиозных и мировоззренческих организаций. Прежде всего, паритет предполагает требование равенства в деятельности людей различных убеждений в государстве, особенно в области гражданских прав и допуска к государственной службе. Паритет как один из основных принципов государственно-церковных отношений означает обязанность государства обеспечить равенство всех религиозных организаций. Поэтому в немецком религиоведении особый упор делается на то, что равенство следует понимать как равенство в шансах. Паритет является лишь формальным равноправием там, где имеют значение внутренняя структура, собственное вероисповедание или же численность религиозных организаций (как это имеет место, например, при статусе субъекта публичного права). Поскольку трудно реализовать на практике паритет для всех религиозных направлений, постольку следует уяснить, что каждая религиозная организация обладает разными способностями и возможностями в силу своих собственных особенностей: вероисповедных, организационных, финансовых и т.д. Но практика кооперационной модели в Германии указывает на чрезвычайно важный момент в обеспечении принципа паритета, а именно: государство не может отказывать какому-то религиозному объединению в определенных действиях, если таковые разрешены другим.

Совершенно не случайно к важнейшим конституционным принципам ФРГ относится толерантность. Там, где свобода религий и убеждений выходит за рамки только внутреннего миропонимания и включается в сферу общественной жизни, справедливо возникает необходимость толерантности. Гарантия права на религиозную свободу означает не столько осуществление собственных взглядов, сколько уважение взглядов другого. Это касается и отношения отдельных граждан друг к другу, и в большей степени мирного сосуществования различных религиозных и мировоззренческих организаций в рамках единого государственного порядка.

В настоящее время, когда возникли серьезные трудности в соблюдении баланса между принципами демократии, правами человека, свободой совести и религии, а также сохранением национальной культуры, этической и религиозной идентичности, принцип толерантности приобретает все большую значимость. Принцип толерантности требует от гражданина уважения достоинства личности другого, его религиозных взглядов и совести, отличных от общепринятых и, следовательно, смягчения собственных чрезмерных требований при осуществлении соответствующих своему вероисповеданию представлений.

Каждое религиозное объединение организует и осуществляет свою деятельность самостоятельно в рамках действующих для всех законов. Религиозным объединениям может быть придан статус субъекта публичного права на основании Устава, числа членов и срока длительности своего существования. В случае объединения нескольких религиозных организаций, являющихся субъектами публичного права, соответствующий статус распространяется на все объединение. Быть признанным субъектом публичного права – больше, чем просто престиж. Субъекты публичного права – это юридические лица публичного права, организованные на основе принципа членства принадлежащих к ним лиц и признанные правомочными исполнять часть государственных функций. Религиозным организациям (*Koerperschaft des oeffentlichen Rechts*), являющимся субъектами публичного права, частично передаются государственные функции (например, в области похоронного дела) и предоставляется возможность активно участвовать в общественной жизни, а также и весьма значительные привилегии: право на взимание церковного налога, на обучение религии в государственных школах, право выступать работодателями и вступать в трудовые отношения публично-правового характера, получать освобождение от целого ряда налогов, иметь своих представителей в общественных комитетах по работе с молодежью, СМИ и т. д. Религиозные организации – субъекты публичного права имеют право взимать церковный налог.

Право на самоопределение предполагает наличие солидной финансовой базы, которая создается прежде всего самими религиозными организациями. Но наибольшее значение для финансовой базы религиозных организаций имеет церковный налог – одна из специфических особенностей немецкой кооперационной модели в целом и государственно-церковного права в частности. Церковный налог – это один из налогов, взимаемых государством с членов религиозных организаций, являющихся субъектами публичного права, в поддержку как больших церквей, так и малых (например, иудейских организаций). Таким образом, уплачивать такой налог должны лишь члены религиозных организаций, имеющих особый статус субъектов публичного права. Этим он существенно отличается от других взносов и пожертвований, являющихся внутренним делом религиозной организации, к сбору которых государство не имеет никакого отношения. Размер церковного налога колеблется от 8 до 9 %. Определенная сумма вычитается из заработной платы работника государственными финансовыми органами и передается соответствующей религиозной организации. Чтобы лучше понять значение церковного налога, заметим, что церковный налог покрывает 2/3 финансовой потребности церкви, в том числе и в социальной работе. Суды подтверждают правомочность взимания церковного налога. В 2004 г. сумма церковного налога членов церкви для протестантских церквей (EKD) составила 3 689 383 000 евро, для католической церкви – 4 158 455 000

евро, составив в общей сложности 7 847 838 000 евро. По данным евангелической церкви Германии за 2004 г., доходы от церковного налога составили 40,5 %, кредиты под строительство и инвестиции, доходы от продаж – 15,7 %; пожертвования третьих лиц – 17,9 %; дотации государства – 2,2 %; плата за религиозные службы, в том числе плата родителей за церковные детские учреждения, школу, социальную заботу и т.д., доход от аренды – 20,7 %; подарки – 3,0 %.

Интересна и шкала расходов протестантской церкви (в %): священнослужители и религиозное образование – 20,7 %, благотворительная деятельность и работа с детьми – 12,1 %; кладбища – 2,2 %; специальные церковные службы – 1,8 %; детские сады – 15,8 %; диаконическое служение – 2,1 %; другая благотворительная диаконическая работа – 5,7 %; экуменическая и миссионерская работа – 2,4 %; публикации – 0,9; образование и наука – 2,7 %; менеджмент – 7,4 %; руководство имуществом – 3,6 %; сохранение главных соборов и зданий – 13,0 %; пенсии, страховка и прочее – 9,6 % [2. Robbers G. Country Report on Germany // Religion in the European Union Countries: Constitutional Foundations, Legislations, Religious Institutions and Religious Education. - University of Trier, 2006. - P. 20].

Как видим, доходы от собственности на недвижимость незначительны по причинам, вызванным результатами секуляризации. Вместе с тем налицо социальная активность церкви: наибольшая статья расходов приходится на эту сферу. Аналогичные данные опубликованы и в отношении католической церкви.

Однако налогоплательщик может избежать уплаты церковного налога, если выйдет из церкви. В 1873 г. был принят закон о выходе из церкви, не опирающийся на теологическое понимание членства в церкви (в частности, на таинство крещения).

Возрастающая активность церкви в социальной сфере поликультурного общества, кооперация с государственными органами в решении общезначимых проблем гораздо эффективнее способствуют достижению гражданского согласия и укреплению страны, нежели односторонние обозначения границ деятельности. В этом плане трудно переоценить значение государственно-церковных договоров, выполняющих роль специальных механизмов регулирования государственно-церковных отношений.

Государственно-церковные договоры между государством и церковью представляют собой специфическую особенность немецкого государственно-церковного права. Впервые договоры появились в период перехода от Средневековья к Новому времени в форме конкордатов между светской и церковной властями. В целях соблюдения паритета были заключены договоры и с евангелической церковью. Немалая роль в сохранении стабильной государственной политики в Германии в области религиозной свободы и в решении назревших и возможных коллизий при реализации этой политики отводится государственно-церковным договорам, служащим основным понятием для обозначения целого спектра документов: конкордатов, евангелических церковных договоров, соглашений с религиозными меньшинствами. Конституция ФРГ признает легитимность договорных отношений между государством и церковью. (ст. 123, ст. 140 (ст. 138 Веймарской Конституции) Конституции ФРГ).

И хотя положения, касающиеся непосредственно государственно-церковных договоров в Основном законе ФРГ не носят обязательного характера, а скорее указывают на их правомочность, практика государственно-церковных отношений в Германии явно свидетельствует о том, что государственно-церковные договоры следует рассматривать не только как политически востребованное и соответствующее обстоятельствам явление, но и как единственно допустимую с точки зрения конституционного права форму государственно-церковных отношений. Ярким тому подтверждением может служить своего рода Ренессанс, который касается практики заключения государственно-церковных договоров в период после объединения старых и новых земель Германии в 90-е гг. прошлого века. Какого-то общего (единого) договора государства с церковью не существует.

В чем ценность таких договоров? Для церкви – это, прежде всего, гарантия обязательств государства по защите церковной деятельности и отказа от необоснованного вмешательства во внутренние дела. Для государства практическая ценность таких договоров состоит в том, что таким образом надежно достигается подчинение церкви единому правовому порядку. Для обеих сторон эти договоры важны для координации совместной деятельности (например, в образовательных, лечебных учреждениях), результаты которой гораздо эффективнее благодаря договорному регулированию. Государственно-церковные договоры, ориентированные на общее регулирование отношений между государством и церковью, содержат, как правило, четыре основных момента: гарантию церковной свободы, многосторонние направления совместной деятельности, государственные обязательства, договоренности о совместных совещаниях, встречах. Среди многообразия государственно-церковных договоров следует выделить договоры по конкретным направлениям, например, по регламентации совместной деятельности государства и церкви в следующих областях: религиозные занятия в общественных школах, деятельность теологических факультетов, духовная забота в армии и учреждениях, кладбищенское дело, вопросы семейных отношений, церковный налог.

Однако здесь может возникнуть очень серьезная дилемма: для церкви важно определиться с масштабами и глубиной «общественного заказа», т. е. уяснить, насколько широко она может участвовать в решении светских, социально-политических проблем, оставаясь при этом особой организацией в миру, не растворяясь среди многих других общественных организаций.

В ФРГ нет федерального государственного органа, который бы занимался исключительно проблемами государственно-церковных отношений. Партнерство с религиозными организациями государство осуществляет через те министерства и ведомства, которые непосредственно отвечают за то или иное направление. Например, деятельность военных священников входит в компетенцию Министерства обороны, организация духовной заботы в местах лишения свободы – Министерства юстиции, религиозного занятия в государственных школах – Министерства культуры и т.д.

Четкость и отлаженность механизма государственно-церковных отношений в ФРГ как основы кооперационной модели вызывает уважение и, естественно, желание применить положительный опыт в нашей стране. Однако, так ли все гладко на практике? Мне недавно попала на глаза статья с очень много значащим названием: «Немецкое государственно-церковное право – обеспечение свободы или ошибочное развитие...» [Dirksen Gesa: Das deutsche Staatskirchenrecht-Freiheitsordnung oder Fehlenentwicklung? // Schriften zum Staatskirchenrecht. Bd. 7. - Frankfurt a.M. u.a.: Peter Lang. 2003. S. 205. Zugl.: Diss. jur. Göttingen. 2002 // ZEK. S. 246–250, Michael German].

Объединительные процессы в современной Европе, одним из главных инициаторов которых была Германия, выявили весьма парадоксальное явление. Европа, начавшая процесс верховенства закона и прав человека, в наши дни сама сталкивается с проблемой ограничений прав и свобод, включая и право на религиозную свободу. В современном глобализированном мире проблема ограничений религиозной свободы не вписывается в рамки лишь собственно религиозной сферы в отдельно взятой стране, но пронизывает собой основные сферы жизни, включая и государственно-церковные отношения. Поэтому изложение вопроса о будущем кооперационной модели я бы хотела начать с внешнего фактора, во многом определяющего национальную политику в области государственно-церковных отношений.

Поскольку ФРГ является членом Европейского Союза, то проблемы, возникающие в этом сообществе, в том числе и в области институционального выражения социально значимой роли религии и ее организаций, не могут не отразиться на национальных государственно-церковных отношениях. Какого-то единого документа, регулирующего государственно-церковные отношения и обязательного для всех стран – членов Европейского Союза, не было и нет. Проблемы религиозной свободы и ее

институционального выражения своих собственных граждан, а тем более иммигрантов, рассматриваемых прежде всего как дешёвая рабочая сила, ЕС обходился молчанием, не без основания считая достаточным наличие международного права. И надо признать, что странам-участницам удавалось сохранять высокий уровень реализации свободы совести. Примечательно, что до 1993 года Европейский суд по правам человека фактически не рассматривал прямых заявлений граждан о нарушениях религиозной свободы.

С течением времени стало ясно, что политика в вопросах свободы совести, основанная только на признании национального законодательства в этой сфере, или, иными словами, «автономное плавание» государственно-церковных отношений (ГЦО), вне общей политики Евросоюза просто невозможна из-за поглощения некоторых норм национального права правом Евросоюза. Особенно это касается церковного трудового права, социального права, благотворительной деятельности и религиозного образования. Каким образом это сказывается на реализации кооперационной модели? Самым прямым: или сохранить особый публичный статус церкви внутри национального права, распространив эту норму на европейское право, или же поставить церкви в один ряд с другими субъектами права. Никто всерьёз, конечно, не ставил и не ставит цель унифицировать взаимоотношения государства и религиозных организаций, но определенная корреляция национальных государственно-церковных отношений стала необходимостью.

Пессимистические мысли о будущих перспективах Европы в контексте значимости религиозного фактора высказали немецкие участники – депутаты бундестага, заявив о своей озабоченности в отношении путей решения проблемы не только немецкой, но и общеевропейской: проблемы интеграции иммигрантов, прежде всего мусульман. В течение нескольких десятилетий эта проблема в Западной Европе являла собой табу, теперь, по словам немецких политиков, «уже слишком поздно... Потому что мы пошли по пути, который трудно исправить» [Германия и Россия. Актуальные вопросы экономики и политики. - №160. - М., 2005. - С. 31]. В контексте рассматриваемой кооперационной модели вот что особенно важно: число работающих иммигрантов фактически не увеличивается. В ФРГ 20 лет назад проживало около 4 млн иностранцев, из них 2,5 млн работали. Сегодня число иностранцев составляет 8 млн, но по-прежнему работу из них имеют 2,5 млн человек.

Такая диспропорция порождает серьёзные социально-экономические проблемы, как для принимающей стороны, так и для иммигрантов с точки зрения их интеграции в стране. Одним из последствий такой коллизии является рост численности фундаменталистских организаций, активно использующих в своей деятельности религиозную составляющую. А это в свою очередь порождает конфликты между демократией и религией, поскольку религиозная идентичность вступает в серьёзные противоречия с демократическими принципами или же является внешним выражением этих противоречий.

Пока же страны – члены ЕС пытаются найти сбалансированное решение проблемы соотношения религии и демократии в условиях поликультурного общества. Особое внимание теперь придаётся знанию языка принимающей страны и её истории. В ФРГ гражданство может быть предоставлено только тем, кто владеет немецким языком и даст клятву верности немецкой Конституции. Широкое распространение получили соответствующие образовательные курсы по истории принимающей страны и её Конституции; вводятся меры по усилению контроля за содержанием религиозных проповедей в целях воспрепятствовать призывам к вражде и насилию; от иностранных религиозных лидеров требуется хорошее владение языком принимающей стороны и знакомство с её культурой и обычаями. Разрабатываются национальные программы по подготовке имамов, в ряде европейских стран мусульманские общины получают государственное финансирование, включая и зарплаты имамам, и строительство мечетей. Вместе с тем применяются и ограничительные меры по борьбе с незаконной миграцией:

высылка из страны, лишение гражданства. Например, в Германии набирает силу процесс лишения немецкого гражданства тем, кто скрыл факт членства в исламистских группах.

В большинстве немецких земель внесены соответствующие дополнения и поправки в действующее законодательство, направленные на укрепление государственного нейтралитета в религиозном вопросе и в то же время на сохранение исторических и культурных традиций, например запрещение на ношение религиозных символов в общественных школах, в университетах, для государственных служащих и военных. Наряду с перечисленными мерами активизируется деятельность спецслужб, использующих наблюдение за определёнными религиозными организациями, не соответствующими демократическим принципам. В случае необходимости возможна их ликвидация.

Сама по себе религиозная толерантность складывается в результате реальной практики общежития, основанной на взвешенных законодательных и соответствующих судебных решениях, обеспечивающих право на свободу совести. Проблема «интеграции мусульман» обострила бóльшей дистанции между государством и церковью.

В настоящее время в ФРГ под прицелом оказалась основа основ немецкой кооперационной модели – понятие «государственно-церковное право». Еще раз напомним, что понятие «государственно-церковное право» впервые появилось в середине XIX в. И с тех пор оно не претерпело официальных изменений. В немецком языке существует понятие «конституционное право на убеждения» (Bekenntnisverfassungsrecht) как альтернативное понятию «государственно-церковное право». Сейчас в ФРГ большое распространение получил термин Religionsrecht («религиозное право») и Religionsverfassungsrecht («религиозно-конституционное право»). Впервые его употребили еще в 70-е годы прошлого века известные немецкие ученые Микат и Хаберле. Религиозное право, с одной стороны, означает религиозно-конституционное право в части религиозно-договорного права, а с другой стороны, включает в себя право религиозных организаций (церковное право, исламское право, иудейское право). Неслучайно поэтому вновь актуализировался термин «церковное право». Предлагается употреблять понятие «церковное право» в широком смысле слова: как *ius ecclesiasticum*, включающее в себя государственно-церковное право как публичное церковное право (*ius publicum ecclesiasticum*), и церковное право как внутреннее церковное право (*ius canonicum*).

Отсутствие четкой дефиниции дает основание не только для академических споров, но и для субъективизма в правоприменительной практике, зачастую приводящей к ограничениям религиозной свободы. Одной из важнейших причин этого является отсутствие в правовом поле четкого критерия, что понимать под терминами «религия» и так называемой «культурной оговорки» (Kulturblausel). До сих пор она подробно не растолкована. Дело в том, что по заключению Федерального конституционного суда Основной закон ФРГ защищает любое свободное проявление религии в семье, дома, в обществе в рамках определенных устоявшихся традиционных воззрений современных культурных народов [Цит. по: Kirche und Staat in der neueren Entwicklung / Hrsg. von Paul Mikat.- Darmstadt, 1980. - S. 380].

Очевидно, что далеко не все культурные традиции можно включать в сферу защиты религиозной свободы. И наиболее сложные конфликты возникают как раз на стыке многообразия культур и традиций. Так, вопрос о критериях религиозности перерастает в качественную оценку той или иной религии. Например, церковь Сайентологии в Германии не признана ни мировоззренческой, ни религиозной. Хотя в последнее время наметилась тенденция к признанию ее религиозной организацией. Примечательно, что этот процесс сопровождается признанием некорректности термина «секта», не являющимся юридическим термином в немецком законодательстве, «поскольку он олицетворяет собой дискриминацию или оскорбление» [Robbers G. Country Report on Germany. - P. 41].

В результате, несмотря на четко разработанную систему государственно-церковных отношений и ориентацию на осуществление религиозной свободы граждан в Германии,

имеют место различные формы ее ограничений, на которые указывают зарубежные исследователи [Davis Derek. Religious Persecution in Today's Germany: Old Habits Renewed // Journal of Church and State.- Vol. 40.- Autumn 1998.- P. 745]:

- 1) классификация религий на «признанные» и «непризнанные», часто посредством предпочтения «официальной» религии или религий;
- 2) выработка единой позиции правящей элиты (политические лидеры, духовенство, интеллигенция) по неприятию религиозных меньшинств;
- 3) осуществление пропагандистских кампаний представителями элиты в отношении меньшинств. При этом они изображаются часто как соперники, а не просто как религиозные организации;
- 4) проведение официальных правительственных расследований с определением законодательных ограничений на деятельность религиозных меньшинств, существенно ограничивающее передвижение, коммерческую деятельность или право на хранение оружия;
- 5) издание нормативных правовых актов по насильственному перемещению меньшинств с занимаемых ими территорий.

В последнее время в ФРГ, как впрочем и во всей Европе, заметны существенные изменения с точки зрения легитимности церквей. На фоне уменьшения роли больших церквей, на которые собственно, и ориентировано государственно-церковное право, распространения других мировых религий и новых религиозных движений, увеличения числа выходящих из церкви – процесса «выцерковления» и даже безразличия к христианским ценностям речь идет о перспективе «расхристианизации» общества. Одним из эффективных путей преодоления тревожной тенденции можно назвать придание особого публичного статуса все большему числу религиозных организаций. (Этот процесс, кстати, набирает силу в ФРГ: на основании решения Федерального административного суда от 02.01.2006 по прошествии почти десяти лет Берлинская община Свидетелей Иеговы получила, наконец, такой статус). С течением времени количество перейдет в новое качество с точки зрения правоспособности, когда, по сути дела, отпадет необходимость в этом особом статусе вообще. Но это, разумеется, теоретическое предположение.

В современной Германии таким статусом, помимо так называемых «больших церквей» (католической и евангелической), обладают и другие религиозные организации: иудейские, адвентисты седьмого дня, пятидесятники, Русская православная церковь за рубежом и РПЦ (Московский патриархат), Христианская наука, Армия спасения, Церковь Иисуса Христа Святых последних дней (мормоны), меннониты, методисты, баптисты и другие, но не исламские. Согласно официальным заявлениям органов государственной власти мусульмане не имеют этого статуса из-за внутренней неорганизованности, децентрализации. Но ведь для ислама как вероучения – это естественное состояние. Тем не менее, шесть наиболее влиятельных мусульманских организаций, составляющих примерно 70 % всех мусульман, проживающих в Германии, готовы объединиться ради получения права на преподавание ислама в государственных школах. Собственно, в ФРГ проблема необходимости организационного объединения мусульманских организаций представляется все более актуальной: как с точки зрения государственных органов, так и по мнению самих мусульманских общин. Процесс организационного структурирования обусловлены не только внутренними немецкими проблемами со статусом субъекта публичного права, но и правомерным заявлением о повышении религиозного авторитета ислама на европейской сцене вообще. Это очень интересный процесс- процесс институализации исламских групп из-за желания получить статус публичного права.

Религиозные организации, не имеющие статуса субъекта публичного права, ограничены в своих возможностях по выполнению общественного заказа, как по оказанию социальной помощи, так и по пользованию таковой. Одной из главных причин этого является отсутствие возможности взимать со своих последователей церковный налог. (В

связи с этим в последнее время большое внимание уделяется придают так называемой итальянской модели, основанной на взимании налога на культуру. Итальянский налогоплательщик имеет возможность часть своего дохода, а именно 0,8 процента, отдать на конкретные цели в культурной сфере. При этом существует выбор: или католической церкви, или двум другим религиозным организациям. Помимо этого, взнос можно доверить непосредственно государству, которое распределяет полученные деньги на гуманитарные цели.)

Особенно большой процент выхода из церкви был зафиксирован в 1920 г. (Веймарская республика) и составил 0,8 % от общего числа прихожан. Вторая волна выхода из церкви приходится на 1930 г., третья – на начало Второй мировой войны (0,85 % от общего числа прихожан). В конце 60-х и начале 70-х годов – очередной всплеск. В конце 80-х годов процент вышедших из церкви составил 0,5 %. В результате объединения Германии в начале 90-х годов – очень значительная волна выхода из церкви, не виданная ранее. Для евангелической церкви выход составил 1,25 % (или 361 151 чел.), а для католической – 0,7 % (или 192 766 чел.). Число вышедших из католической церкви ниже, нежели из евангелической, хотя и здесь число выходящих увеличивается (для сравнения: в 1986 г. их было 0,28% от всех прихожан). В числе выходящих из церкви преобладают жители крупных городов, мужчины, молодежь в возрасте от 16 до 32, составляющие практически 50% всех выходящих из церкви. При этом процент выхода в новых землях выше, чем в старых [Daiber K.-F. Religion unter den Bewegungen der Moderne. Die Situation in der Bundesrepublik Deutschland. – Marburg, 1995. - S. 165; Statistisches Bundesamt. VII B-46/4].

Увеличение числа выходящих из церкви объясняется, конечно же, не только социально-экономическими преобразованиями и материальными соображениями. Существенным фактором является восприятие церкви не столько как религиозного, а как общественного объединения с множеством разнообразных функций, добывающегося вследствие бюрократизации и дифференциации, независимо от степени участия своих членов в церковной жизни, определенных успехов. Тем самым личностная христианская мотивация ушла как бы на второй план. По мнению населения, церкви должны существовать на добровольные и благотворительные взносы своих членов, не накапливать богатства, а следовать принципам раннего христианства, не знавшего церковных богатств.

Уже имеющийся высокий уровень негосударственной социальной помощи характеризуется все большей профессионализацией, принимает необратимый характер на фоне растущей бюрократизации и объемов финансирования. Для церкви этот процесс порождает серьезные проблемы, так как такая дифференциация в области социальной работы порождает дифференциацию в собственно религиозной сфере. Растет число конфликтов, вызванных, например, устройством в конфессиональный детский сад ребенка из семьи, не принадлежащей данной церкви. Тем не менее, официальная политика направлена на усиление институционализации церквей, их влияния и роли в общественной жизни, особенно как культурного феномена в политической системе.

Конституционно-правовая проблематика пастырского служения в армии концентрируется вокруг легитимности содействия религиозно-нейтрального государства военной духовной заботе. Сторонники отделительной модели считают, что государству запрещено (на основе правовой формы отделения церкви от государства) оказывать содействие религиозным организациям; к тому же практикуется только евангелическая и католическая военная духовная забота, а это, по их мнению, является нарушением государственного нейтралитета и паритета в государственно-церковных отношениях.

Все больше внимания уделяется модернизации роли и места религиозного занятия в общей концепции воспитания и образования. Новые подходы в религиозной педагогике ориентированы на более тесную интеграцию в общеобразовательный процесс, что дает право толковать религиозное занятие не столько как форму диаколического служения, как «церковь в школе», сколько как форму передачи нравственных ценностей подрастающему

поколению. И общественность, и сами большие церкви признают, что религиозное занятие – это не только выражение христианского вероучения, но, прежде всего предмет в общеобразовательной школе, соответствующий ее учебным целям и дидактическим принципам. В связи с этим одной из специфических особенностей религиозного занятия в современных социокультурных условиях является усиленное внимание к гуманитарным проблемам, их отражение на культурно-историческом, художественном и литературном уровнях.

Однако основная проблема совершенствования содержания религиозного занятия и сохранения им статуса обязательного предмета состоит в отсутствии согласия по вопросу о том, быть ли ему конфессиональным или религиоведческим. Иногда в справочной литературе о Германии можно встретить термин «религиоведение» как перевод понятия «религиозное занятие». В данном случае в определенной степени желаемое выдается за действительное, но зато отражено общее направление модернизации религиозного занятия в сторону его религиоведческого содержания. Выражение «всеобщее христианское» образование предлагается трактовать как надконфессиональное, что в соответствии с принципом нейтралитета возможно осуществить в рамках светского религиоведческого занятия.

А пока споры о содержании религиозного занятия перерастают в предложения его замены или отмены вообще. В частности, среди основных недостатков религиозного образования особо отмечается узость конфессионального подхода. В связи с реформами в старших классах гимназий серьезные правовые проблемы возникли в отношении места религиозного занятия в учебных планах. С увеличением роли дифференцированного обучения и выбора обязательных предметов появилась тенденция к потере религиозным занятием статуса обязательного предмета, набирает силу процесс замены обязательного религиозного занятия на альтернативный предмет, а то и просто его отмены.

Дискуссия о новом предмете "Образ жизни – этика – религиоведение" ясно показала, что религиоведческая и конфессиональная концепции противостоят друг другу, внутри же конфессиональной концепции нет единого мнения о форме религиозного занятия.

Споры вокруг перспектив религиозного занятия выходят за рамки педагогических проблем и все больше приобретают политический оттенок, усиливая призывы к изменению действующей практики государственно-церковных отношений.

Серьезные проблемы возникают с учителями государственных школ, желающих носить определенные религиозные символы непосредственно во время уроков. В первую очередь это относится к вопросу о хиджабе. Правовая основа запрета ношения хиджаба заключается в специальном требовании нейтралитета в области религии и убеждений, распространяющихся на всех государственных служащих и запрещающих ношение хиджаба или чадры. С одной стороны, требование нейтралитета усугубляется родительскими правами и правом учеников на негативную религиозную свободу. С другой – напряженностью в школах, находящихся под государственным контролем. Более того, согласно принципам профессиональной государственной службы (ст. 33 Основного Закона) требование объективности и нейтралитета при выполнении ими своих служебных обязанностей распространяются и на учителей.

В земле Гессен принято дополнение в статью 2 Закона «О гарантии государственного нейтралитета». Оно содержит требование сохранения политического и религиозного нейтралитета на рабочем месте для государственных служащих, к которым относятся и учителя. Особенно выделяется запрет на ношение одежды, символов или других предметов, которые могут повредить или нарушить политическое, религиозное или мировоззренческое согласие. Основанием для такого решения объявлены христианские и гуманистические традиции земли Гессен.

Современная жизнь вносит серьезнейшие коррективы в классический пример немецкой кооперационной модели государственно-церковных отношений. Феномен

«народная церковь», как и само понятие, явно уходят с исторической арены. Основная тенденция решения проблем, назревших в немецкой кооперационной модели, выражается в необходимости совершенствования легитимности государственно-церковного права с целью обеспечения свободы совести, в стремлении к реальному воплощению мировоззренческого нейтралитета государства, принципов паритета и толерантности на фоне все более развивающегося религиозного плюрализма современного мультикультурного общества.

Роман ПОДОПРИГОРА (Алматы, КАЗАХСТАН)

ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КАЗАХСТАНЕ: ВРЕМЯ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Последние годы, выступая на различных конференциях, в конце своих докладов я выражал надежду на то, что на будущих конференциях мои выступления не будут такими пессимистично-критичными. Однако, годы проходят, а тональность выступлений не меняется. Более того, эта тональность становится все более минорной.

Я с удовольствием вспоминаю трудные 90-е годы прошлого века, когда началось т.н. религиозное возрождение и многие действительно проблемные вопросы законодательства, правоприменительной практики, связанной с деятельностью религиозных объединений можно было решать: пусть путем долгих споров, консультаций, переговоров. Право выполняло свою функцию баланса различных интересов.

Примерно с начала нынешнего века, начался процесс наведения государством порядка в религиозной сфере («наведение порядка» – очень популярный термин в современном Казахстане).

Стремление навести порядок выглядит парадоксальным хотя бы потому, что страна по оценкам многих национальных и некоторых международных экспертов, уважаемых международных организаций, является чуть ли не эталоном межконфессионального и межнационального единства. Межконфессиональное согласие это своего рода национальный бренд. Имидж Казахстана, как страны равных возможностей для всех верующих и их ассоциаций, в числе других достоинств, послужил причиной выбора государства председателем ОБСЕ в 2010 г. Казалось бы, зачем наводить порядок там, где все в принципе нормально, где есть неоспоримые достижения, где даже недолгие годы показали, что невмешательство государства во внутренние дела религиозных объединений - это одно из условий мирного сосуществования представителей различных конфессий.

Но, оценки состояния межконфессиональных отношений отличаются в зависимости от внешнего или внутреннего потребления. Декорации межконфессиональных отношений для международных экспертов меняются, когда речь идет о внутренних вопросах. Эти декорации становятся не такими светлыми: страна в опасности, она захвачена сектантами и иными вредными организациями. По мнению органов прокуратуры из почти 4000 тысяч религиозных объединений, зарегистрированных в Казахстане, 1870 угрожают национальной безопасности и стабильности. С учетом того, что мусульманских, априори «полезных», организаций насчитывается около 2500 тысяч, то нетрудно посчитать, что к числу социально опасных относятся почти все остальные организации. Далее знакомый ряд обвинений в адрес сектантов: духовная колонизация страны, призыв верующих к отказу от исполнения гражданских обязанностей, лишение детей права на образование, отъем имущества у граждан, зомбирование и т.д. Когда подобные заявления распространяются государственными органами, тиражируются СМИ, поддерживаются академическими кругами, представителями ряда религиозных